

ЗА ЧТО Я УВАЖАЮ ХОДОРКОВСКОГО АЛЕКСАНДР АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Медийное сознание устроено примерно одинаково – что у противников нынешней власти, что у ее убежденных союзников. Возникает тема, мы кидаемся голодной сворой, сшибаемся лбами, искры из глаз, и – расползаемся в стороны. Кто зализывать раны, кто грызть ухваченную кость, прижимая добычу лапой и громко, жадно урча. Из-за чего сшибались, кто же вспомнит; интерес к событию угас. Потом раны заживут, выбеленные кости будут спрятаны в конуру, и мы ляжем на пороге в ожидании нового вброса. Говорят Черкесов написал... не-а, не катит. А вот Зубкова назвали Пиписькиным. Да ладно, тоже мне сюжет...

Арест Ходорковского, разгром его бизнеса и поломанные судьбы полтора десятка связанных с ним людей сначала вызвали огромный резонанс. Долгую, жестокую дискуссию. Казалось, лава не застынет никогда. Однако же – вполне себе застыла. Новость лишилась свежести, приевшаяся драма стала подобием нормы, а норма никому не интересна. Ни врагам, ни друзьям.

Время от времени Ходорковский продолжает писать на волю открытые письма. Их вывешивают на сайтах – например, на сайте «Эха Москвы», но масштабной дискуссии нет и не будет. В отличие от конъюнктурных (при всей их важности) посланий, которые были напечатаны «Ведомостями» и дебатировались напропалую, эти выплески далеких размышлений слишком философские, слишком человеческие, чтобы взволновать ангажированную аудиторию. Попробуем нарушить нехорошую традицию. Но сначала – необходимая оговорка.

Ходорковский не был героем моего романа. В 90-е годы он, равно как многие в его ближайшем окружении, делал много такого, что мне было и будет чуждым всегда. Среди прочего – как все олигархи – способствовал разращению судебной системы. И разложению журналистики как независимой профессии. (О чем в «ЕЖ» когда-то состоялась знаменательная переписка плативших и получавших деньги в менатеповско-юкосовской кассе. При всей разнице позиций и те, и другие с одинаковым простодушием констатировали: брали все, а что же тут такого? Не все, господа. Не все. Я лично не брал. И никто вокруг меня не брал – тоже.) Но! Но при этом сначала прагматично и рационально, а потом, видимо, и нутром Ходорковский понял: дальнейший путь в заданном направлении невозможен. Исчерпан навсегда. Начал разворачивать свой бизнес, свою позицию. И, кажется, самого себя. А момент личного разворота – дорогого стоит. Гораздо дороже, чем стоил весь не разграбленный ЮКОС.

Во время разворота его мотало из стороны в сторону? Ну конечно же мотало. Попробуйте на полной скорости вывернуть руль. Заносило? Еще бы. Но была предпринята попытка *выскочить за пределы наработанного опыта*. Выглянуть из отстроенного и бронированного мира – в не обустроенную реальность. И тут неизбежно возникает чувство, которое куда важнее согласия: уважение. Не к силе, не к власти, не к финансовым возможностям, по определению внешним. Что тут, собственно, уважать? А уважение к человеку как таковому.

А дальше началась тюремная история. Которая, особенно в России, лишает сразу всего – и ставит личность перед выбором: сломаться или состояться, осуществиться, раскрыться до конца. То, что Ходорковский писал и печатал во время суда, было двойственно; нельзя было сказать заранее, выдержит он давление обстоятельств или будет погребен под ними. Там было сразу все: и попытка подняться над своими вчерашними взглядами; и сегодняшняя надежда, что все же проскочим; и мучительное самооправдание вперемешку с самоосуждением. То, что мне приходится читать сегодня, говорит о

движении не застывшей мысли. О продолжении поиска. А значит, о возрастающем шансе саморазвития – вопреки положению вещей.

Текст, размещенный на «Эхе Москвы», посвящен морали как естественной основе демократии. Ходорковский наконец нащупал главное противоречие отечественной либеральной мысли — либеральные ценности лежат в области веры (хотя бы в то, что каждый рожден для свободы), а наши либералы в массе своей люди неверующие. Не в смысле религиозном: тут никому свою веру не навяжешь; а в том смысле, что по-прежнему полагают: миром движут внешние закономерности, объективные условия, над которыми надстроены изменчивые правила «игры». Демократические институты во многом потому и оказались слабыми, что «...только повернув общественное сознание от оправдания «вульгарного прагматизма», только убедив людей, что они, в глубине души, не просто хотят жить по совести, а не могут быть счастливы, живя по-другому, возможно заложить тот фундамент, на котором вырастет демократическое правовое государство, наша Россия».

Цена, которую Ходорковскому пришлось заплатить за это понимание, непомерно высока. Но, кажется, он готов ее платить; 25 октября исполнится 4 года со дня ареста. Как можно его за это не уважать?

Оригинал статьи - <http://ej.ru/?a=note&id=7472>

Форум - <http://forum.ej.ru/showthread.php?t=280164>